

М

ой дом опять превратился в музыкальную шкапу. В какой раз привожу из странствий музыку, о существовании которой мои друзья узнают первыми, на чашку чая приходят с кассетами, чтобы переписать. До этого был украинский фолк, голландская альтернатива, чешские панки. Много музыки, в которую можно влюбиться, есть на свете помимо вошедшей в истеблишмент и дорогостоящей. Теперь, по возвращении из Кракова, это Горан Брегович, сербский композитор, друг Эмира Кустурицы. Написал музыку к фильмам "Время цыган", "Сны Аризоны", "Андерграунд", "Королева Марго". Его композиция "TV-screen" из

Последняя любовь в Кракове

"Снов Аризоны", как и весь саундтрек, была хитом несколько лет назад, тогда все поколение "X" смотрело по несколько раз сновидческую ленту Кустурицы с близким до боли Джонни Деппом, отточенной Фэй Данауэй, душераздирающей Лили Тэйлор и психоделической рыбой-смертью, отмечающей финальную инициацию героя из юности во взрослость.

Музыка в значительной степени делала этот фильм, уносила в пределы снов, туда, где не торгуют автомобилями, а рассматривают каждую выловленную рыбу отдельно, вслушиваясь в ее молчание. Где примиряются с жизнью и смертью, с любовью и отсутствием любви, где бытие пронцаемо, и нет отчетливой границы между мирами. Шарик красного цвета, душа бессмертная, пересекает ее. "Лети-лети, лепесток..." Но тогда, по-моему, как и сейчас, фамилию композитора, озвучившего грезы, у нас никто не произносил. Хотя музыка эта игралась везде, появлялась даже в телезаставках.

Помню, как в 1994 году на просмотре "Королевы Марго" Патриса Шеро у меня перехватило дыхание от песни, звучащей на финальных титрах этого невеликого, но (не хочется оценок) яркого фильма. До этого на экране кипели страсти, звучали полуварварские напевы "Рондинеллы". Зовы плоти, алчности, тщеславия, гордыни разрывали пространство сюжета и души героев на части. Все ангелы при дворе французского короля были падшими. Но распутница Марго спасалась любовью. Остальные — крушили все вокруг, доведя страстями и войной низменных инстинктов свое сознание до закономерной реализации — Варфоломеевской ночи, когда демоны вырвались наружу и заиграло кровавое месиво братоубийственной резни "за веру".

Любовь Марго к Ла Молю была велика, но недостаточна, чтобы своей энергией спасти хоть что-то из окружающего мира. Спасла прекрасная королева лишь голову возлюбленного. Трагический финал. Распался "союз двух сердец". Марго едет в карете, держа на коленях отрубленную голову своего милца. И тут, почти на титрах — голос еврейской девушки Офры Хазы, на иврите. Как будто появился третий, ветхозаветный, собеседник в кровавой расправе между католиками и протестантами, придавая смысл, воспевая сильнейшую и бессмертную энергию — любовь. Еврейский язык и восточный колорит, соединенные с божественным голосом и волшебной мелодией, ни на миг не опускающейся до сантимента, дали момент остранения, низвели до уровня мелких страстей (из-за которых люди и государства бывают готовы уничтожить

друг друга) религиозные противоречия, сожгли на тонком пламени эмоции сожаления и сочувствия героям, возвысили финал до светлых обобщений. Именно тогда, помню, прочла я в титрах: композитор Горан Брегович.

Четыре года спустя, в Украине, мне довелось услышать песни Бреговича на сербском языке, записанные им в семидесятых-восьмидесятых годах. Тогда он и познакомился с Кустурицей. У обоих были панковские музыкальные группы, двадцать лет назад Кустурица еще не был знаменитым режиссером, до Гран-при в Канне было еще далеко. Ах, какая живая музыка, крепко настоящая на цыганских, сербских, мусульманских травах и водах! Яркие, безудержные песни, и грусть, и веселье — на всю катушку. Метафоры в текстах: "твое влажное имя..." И сюжет: "кладу белую розу для твоего сердца..." Все такое настоящее, что не боится упреков в киче, звенит неизбежными сравнениями, сияет страстью, еще не перешедшей в орнамент, но уже на границе с ним, так фольклорны эти песни.

Тогда же в Москве появились первые тексты Милорада Павича, завораживающие своей преизбыточностью: "походка ее была известна, как хорошее стихотворение", "В уголках ее глаз каждое утро светились прозрачные камешки, в которых отражались, подобно плененным в янтаре мушкам, сильно уменьшенные ее сны..." Зной и холод текстов, странное, опьяняющее чувство единства мироздания, которое в европейской литературе последних двух столетий днем с огнем не сыщешь, несмотря на попытки Джойса или Кафки просочиться в зазоры между сознанием и подсознанием. Пространство мифа, к которому, начиная с героических массивов атак на интеллект, предпринятых сюрреалистами, так трудно пробиться европейской ментальности. Тем жарче и ярче эти попытки. Путешествие удался Павичу с обволакивающей вязью его текстов-слов-сновидений, где слово и событие соединены такой же мистической нитью, как в странном четырехмерном безвекторном эпосе. Из каждой строчки можно развернуть волнуемое повествование в любую из сторон пространства. Точка сборки, как и ее смещение — дело рук читателя, к чему и призывает этот автор, не подвергнувший когда-то, как Борхес, упреждающей проявление волшебства, инъекции логики и анализа.

Откуда эта энергия? Что такое сербская земля, выплеснувшая в мир Павича, Бреговича, Паскалевича и многих других (а какая в Сербии живопись!), заразившая меня, как и многих, этим буйным, живым, как жизнь, всегда мерцающая на стыке структуры и хаоса, волшебным миром, полным страсти, боли, печали, радости, страдания, выраженными в кино, музыке, литературе? Что рождает Сербия такое близкое и одновременно воинственно незнакомое для русского слуха? Павич: "Но это же разные языки? — В том-то все и дело. Если ты готова слушать, правда тебе откроется в тишине между ними". Весенний Краков звенит мелодиями Бреговича. Весь город оклеен афишами его европейского турне, которое состоится в июне. С оркестром, хором, цыганами. Эта музыка требует самых невероятных исполнителей: на дисках — средневековые французские песенки; сербские православные песнопения; и свадебные, за душу берущие горные распевки; и танго в исполнении Цезарии Эворы, биг мамы с Островов Зеленого мыса; и мужской хор, залихватски поющий про автомат Калашникова.

Диск так и озаглавлен "Эдерлези" — песни для свадеб и похорон. По-нашему, по-славянски, либо свадьба, либо похороны. Эх! Во всех музыкальных магазинах — стереофото, Брегович с Кайей, польской певицей, на обложке только что выпущенного совместного диска. Аранжировки песен на польском. Со всех краковских углов несет: "Шпи, коханий, шпи!" (нужен перевод?) и "Колоровей сукнец" — та самая песня, которую в "Аризоне" исполнял Игги Поп, вернулась в старой обработке с оригинальными словами про "Цветное платье, но если хочешь, то райскую птичку". Живая музыка. Без охлажденного и подслащенного, как кока-кола, американского эмтвишного варианта.

Польша — член НАТО. Репортаж из Сербии. Тонкие полоски графита свисают с обломков электростанций. Графитовые бомбы. Разрушен мост в Нови Саде, там, где в университете читал лекции профессор, знаток сербского барокко, историк сербской литературы Милорад Павич. "Так трудно кохать..." — поет Кайя. Население Сербии составляет... Данные словаря. Составляло. До войны. "И видел мой

юродивый брат Елен Приямуевич о стен Трои Шлимана и красный снег октября в России, и видел охоту на евреев, и Блицкриг, и четверых в Ялте, и Сталина в 1948 году... и нефть, по-прежнему текущую с Востока, и англосаксов на Луне, во Вселенной, где советские русские, и сербов, лицом к лицу со всем миром..." Милорад Павич. Последняя любовь в Константинополе, 1995 год.

Екатерина КЛАДО

Экран и сцена —

№ 23 (491), июнь 1999 года

- с 7.

484